

УДК 159.923.2

DOI: 10.34670/AR.2020.52.41.023

Инструменты и стратегии нарративного согласования истории несправедливости: как совладать с «нестерпимым»

Ширяев Дмитрий Игоревич

Аспирант,
кафедра общей психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: dmitry_shiryaev@yahoo.com

Зайцева Юлия Евгеньевна

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра общей психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
1199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: J.E.Zaitseva@spbu.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть переживание несправедливости человеком через призму поли-нарративного подхода. Поли-нарративная практика – это диалогическая практика переконструирования нарративной идентичности. Подход опирается на нарративную и дискурсивную психологии, подходы Г. Херманса и Д. Макадамса. Основная идея нашего эмпирического исследования была связана с проверкой эффективности двух типов диалогических инструментов: (i) выводящего нарратора из дискурса «несправедливости» и (ii) позволяющего пересмотреть/фальсифицировать нарративный инструмент согласования я-позиции, социального предписания и жизненного контекста в рамках дискурса несправедливости. Мы сравнивали действия "энкодов" Вадима Петровского и "вантал" Александра Лебедева как инструментов пересогласования человеком истории несправедливости. Результаты подтвердили снижение негативных аффективных характеристик валюаций и меры несправедливости историй в обоих случаях, в случае «вантал» - с большей достоверностью за счет выхода из дискурса «несправедливости».

Для цитирования в научных исследованиях

Ширяев Д.И., Зайцева Ю.Е. Инструменты и стратегии нарративного согласования истории несправедливости: как совладать с «нестерпимым» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 2А. С. 198-211. DOI: 10.34670/AR.2020.52.41.023

Ключевые слова

Несправедливость, нарратив, поли-нарративный подход, контекст, дискурс, коммуникация, история несправедливости, контекстуализация, я-позиция, рефлексивная перспектива, энкод, вантала.

Введение

Проблема справедливости относится к разряду «вечных» проблем. В то же время она – важный мем современного социо-гуманитарного дискурса [Слоян, 2009]. Представления о справедливости в обыденном сознании формируются в ходе социальной коммуникации [Гулевич, 2012]. Стремление к восстановлению справедливости может стать знаком ситуативного объединения людей. Мы слышим тему несправедливости в звуках разгорающегося американского протеста: «No justice, no peace» («Нет справедливости, нет – мира») - скандируют толпы американцев, комментируя убийство Джорджа Флойда [Alba, Albeck-Ripka, Badger et al., 2020]. Тема справедливости может стать и почвой для образования национальной идентичности. Одной из устойчивых самохарактеристик русского народа, согласно размышлениям философов XIX века, является чувствительность к справедливости. Так В. С. Соловьев обозначает жажду безусловной справедливости как стержневую линию духовных исканий русского человека [Гроздилов, 2018]. Тема актуальна для национальной ментальности и сейчас. По данным исследования Института Социологии РАН [Горшков, Крумм, Тихонова, 2013] опросы россиян показывают, что справедливость могла бы выступать консолидирующей идеей российской нации. При этом за прошедшее столетие из представления о справедливости россиян исчезли специфически религиозная и политическая составляющие и имплицитно критерии справедливости россияне ищут в сферах морали и права [Гулевич, 2012].

Современные социальные науки исследуют и конструируют дискурс справедливости с позиции проверки и установления социальных договоров и правил распределения вознаграждений и наказаний [Гулевич, 2012; Углов, 2010; Новоселова, 2016]. Психология же в большей степени интересуется переживанием «травматического столкновения» личности с социальной средой, в котором важные установки относительно норм и правил социального общежития оказываются нарушенными. Восприятие мира как справедливого является важной составляющей личного мифа, Я-истории современного человека [Lerner, Miller, 1978; Dalbert, Donat, 2015; Dalbert, 1997; Furnham, Procter, 1989; Donat, 2012]. При прочтении/рассказывании некоторой ситуации в дискурсе несправедливости основной задачей становится указание на рассогласование взгляда человека на себя и мироустройство с точки зрения «долженствования» и практической оценки текущих событий. Такое расхождение требует от нарратора досогласования:

(а) дифференцированно-логической оценки - до-объяснения связи (i) личности действующих акторов (их свойств, целей, ценностей), (ii) нарушенной социальной нормы общежития или совместного действия (включающей в себя правила распределения вознаграждения и наказания) и (iii) ситуационного или конкретно-исторического контекста. В этом случае ситуация описывается через каузально-мотивационный или тематический тип нарративного согласования в терминах Т. Хабермаса (Habermas, T., Bluck, S., 2000);

(б) недифференцированно-эмоциональной оценки - негативного чувства несправедливости, сигнализирующего данное расхождение и требующего включения данного эпизода опыта в коммуникативное пространство для его совместного нарративного построения с другими. История рассказывается с использованием темпорального или биографического типов нарративного согласования. В случае чисто эмоционального повествования партнер по коммуникации призван помочь «построить строительные леса» [Уайт, 2010] истории, своими вопросами или комментариями позволяя достроить ее смысл до общей с ним картины мира. Рассказ истории в другом дискурсе может не требовать сверки норм общежития и совместной деятельности.

Основная часть

Социальное взаимодействие само по себе не является справедливым или несправедливым. Для того чтобы история прозвучала в сознании человека как справедливая или несправедливая нужно рассказать или прочитать эту историю в дискурсе справедливости / несправедливости [Sarbin, 2004; Зайцева, 2016; Зайцева, 2019; Касавин, 2008; Филлипс, Йоргенсен, 2004]. То есть необходимо заострить внимание слушателя на расхождении поведения (отношения) участников ситуации с гласным или негласным социальным договором и (или) правилом распределения вознаграждений и наказаний. Взгляд на героя истории при этом может быть [McAdams, 2015; McAdams, Zapata-Gietl, 2015] (i) как на носителя определенных свойств, детерминирующих его поведение (как на «социального актера»), (ii) как на мотивированного целенаправленного субъекта («агента»), являющегося причиной происходящих изменений или (iii) как на персонажа сложного тематически организованного сюжета, каждая история в котором есть часть большего контекста («автобиографического автора»). История несправедливости, закрепленная «авторским» текстом, способна породить прототип нового социального договора, дать новые или переозначить старые знаки для новых появляющихся форм деятельности и общежития, сюжетно объединить множественные линии и личные мотивы всех героев, а часто и слушателей. «Агентская» история несправедливости – призыв к пересмотру или закреплению (уточнению или строгому соблюдению) значений старого договора в новых контекстах. Рефлексивная перспектива «актера» не позволяет выйти за рамки объективирующего видения социального предписания. Социальный договор воспринимается и описывается в таких текстах как «естественная» часть реальности, а его соблюдение / не соблюдение как непосредственная детерминанта справедливого «вознаграждения» или «наказания». Несправедливое распределение согласуется в таком случае через пассивные аффективные копинги: избегания (актуализации психологических защит) или негативного эмоционального переживания (сигнализирующего о неблагополучии и призывающего «ответственного агента справедливости» к исправлению ситуации или к помощи в нарративном согласовании предписания с жизненным контекстом).

В ходе коммуникации может происходить либо верификация социального договора, либо его фальсификация. В последнем случае, при условии, что у собеседников есть соответствующая дискурсивная позиция (право на пересмотр значений) может произойти смена социального предписания в рамках референтной группы. Нарратор в то же время может верифицировать (искать подтверждения), контр-верифицировать (искать опровержения) или фальсифицировать (искать альтернативы) своему способу нарративного согласования истории несправедливости.

Основная идея нашего эмпирического исследования была связана с проверкой эффективности двух типов диалогических инструментов: (i) выводящего нарратора из дискурса «несправедливости» и (ii) позволяющего пересмотреть/фальсифицировать инструмент согласования я-позиции, социального предписания и жизненного контекста в рамках дискурса несправедливости. Мы сравнивали "энкоды" Вадима Петровского (Петровский В., Ходорыч А., 2018) и "ванталы" Александра Лебедева (см. Козлов Н., 2008) как коммуникативные средства, позволяющие человеку пересогласовать истории несправедливости (пример см. в Табл.1). И те, и другие представляют собой «многозначительные высказывания», содержащие в себе элемент парадоксальности. Данные авторские высказывания были созданы как инструменты деконструкции. «Энкоды» (Петровский В., Ходорыч А., 2018) разработаны в школе

транзактного анализа как инструмент блокировки манипулятивных стратегий в коммуникации. «Слова Ванталы» – псевдо-древнекитайский набор мудростей был сконструирован в 80-х годах Александром Лебедевым, чтобы вытащить девушку из деструктивной секты (попытка оказалась успешной, кейс описан: Козлов Н., 2008). Особенности обоих коммуникативных элементов можно считать легитимизацию «языковой игры», где, как в стихах Обэриутов и Л. Кэрролла, ломается установка на ожидаемое завершение фразы. Семантический или логический сдвиг переводит начало высказывания в иной контекст, меняя или обогащая смысл целого. Многозначность неопределенности (а фразы сами по себе достаточно метафоричны и могут быть отнесены к очень широкому спектру социальных ситуаций) переходит в многозначность поли-контекстности (смысловой омонимии, одновременности множества трактовок). Такое языковое поведение дает разрешение собеседникам на «авторскую» дискурсивную позицию, легитимизирует в коммуникативном процессе нарратора как временного демиурга смыслов. Возможность обобщить историю через метафору также относится к «авторским» инструментам, позволяющим собеседникам разделить смысловое понимание при отсутствии общего тезауруса договорных ценностей.

Различиями данных инструментов, на наш взгляд являются я-позиции (Г. Херманс, Hermans Н., 1999-2018), имплицитно представленные в данных коммуникативных элементах. «Энкод», созданный для блокировки дискурсивной позиции собеседника, ярче позиционирует привилегированный статус дискурсивной позиции нарратора. Отсюда энкод, при всей своей парадоксальности, директивен и направлен «в оппонирование» собеседнику из «позиции власти». Будучи многозначным, он позволяет собеседнику остаться в собственном смысловом поле (дискурсе), но блокирует выбранный инструмент нарративного согласования. Коммуникативный акт оставляет ощущение, что рассказанную историю несправедливости не верифицировали - с рассказанным не согласились и даже, возможно, тонко высмеяли, но «поймать за руку» оппонента невозможно. Если говорить именно об истории, рассказываемой в дискурсе несправедливости, то данное ощущение «высмеивания», «троллинга» может заставить человека либо обижаться и «поднимать щиты» психологических защит (но можно не успеть, а при наличии контекста теплого дружеского раппорта с собеседником и не хотеть), либо внутренне фальсифицировать собственное понимание я-позиции (места и роли героя истории), социального договора (его легитимности) или контекста произошедшего. В случае «Ванталы» я-позиция воображаемого собеседника – «нейтральна» относительно собеседника. Высказанная «мудрость» подается как описание существующего миропорядка, в котором Вантала – «герой одиночка» живет и действует в мире, не требуя у него разрешения. Он сам способен дать себе разрешение на выбор как действия, так и дискурсивной позиции в построении картины этого мира. И точно таким же правом он наделяет собеседника (оставляя за ним возможность им не воспользоваться). Он осознает ограничения своей модели мира и не требует ее согласования с моделями других. Данный дискурс в чем-то «противоположен» (если такое понятие уместно при сравнении речевых праксисов) дискурсу «несправедливости».

Таблица 1 - Примеры «Энкодов» и «Вантал» как средств коммуникативной деконструкции

Примеры использованных энкодов	Примеры использованных «вантал»
Достоинствам нужна грузоподъемность	Отдай, если хочешь, но отними, если пожалел об этом.
Когда именно ваше мнение стало вашим?	Помешай в малом уверенному.
Навязчиво несущий правду со стороны обычно	Коллеблющегося толкни в любую сторону, если это

Примеры использованных энкодов	Примеры использованных «вантал»
выглядит несущим чушь	– не та, он вернется.
Дурак не уйдет в себя до тех пор, пока его принимают за умного	Прощаясь — делай это легко.
Не грозят тому страдания, кто предвидел все заранее!	Вантала всем свой, Вантале все чужие.
Никогда не тягайтесь со свиньей, оба измажетесь, но свинье это нравится.	Ни в чем нет твоей вины.
Неважно, прав ты или нет. Важно, чтобы был еще кто-то такой же!	Ветер, пролетая, оставляет за собой разные страны. Но и через много лет там дует ветер.

Метод исследования

Эксперимент, где респондентам предлагались личные истории, рассказанные в дискурсе несправедливости. А затем давалась возможность контекстуализировать (дополнить) историю несправедливости «энкодом» (контрольная группа) или «ванталой» (экспериментальная). Оценивался сдвиг в отношении к ситуации, рассказанной в истории, как к «несправедливости», а также изменение аффективной характеристики валюации (по Г. Хермансу, 2006-2007), то есть профиля эмоций, связанных с тем, что значимо в этой истории для рассказчика и, как он надеется, слушателя. Предполагалось обнаружить, что «вантала», позиционирующая рассказчика и слушателя в дискурс, отличный от дискурса «несправедливости», в большей степени «снимет» необходимость прочтения истории в этом дискурсе и уменьшит вероятность согласования через негативные аффекты валюаций (утрачиваемой близости, невозможности достижений, не-предпочитаемой в данном контексте позиции).

Процедура

Испытуемым предлагалось выбрать из 51 личной истории несправедливости три самые, на взгляд испытуемого, несправедливые, оценить свое эмоциональное отношение к истории (по профилю Г. Херманса, 2006-2007) и меру несправедливости ситуации, затем подобрать для каждой истории подходящее высказывание из перечня «энкодов» (контрольная группа) или «вантал» (экспериментальная), а затем еще раз оценить выбранные истории несправедливости по тем же параметрам.

Эмоциональное отношение определялось с помощью списка из 28 аффективных характеристик (Херманс Г., 2006-2007, см. Табл.2)

Таблица 2 - Аффективные характеристики валюаций по Г. Хермансу

Категория	Эмоции
(S) Самоутверждение (4 пункта)	самоуважение, стойкость, уверенность, гордость
(O) Близость и единение (4 пункта)	забота, любовь, нежность, близость
(P) Позитивные (10 пунктов)	радость, счастье, удовольствие, солидарность, теплота, доверие, безопасность, энергия, внутренний покой, свобода
(N) Негативные (10 пунктов)	бессилие, тревога, беспокойство, позор, самоотчуждение, чувство вины, одиночество, чувство неполноценности, гнев, разочарование

Выборка участников исследования

В исследовании приняло участие 63 человека. В основную выборку вошло 49 человек. Отсевание проводилось по двум параметрам. В основную вошли люди, которые (а) потратили на заполнение анкет больше 10 минут (при среднем времени выполнения задания 23 минуты), (б) при оценке по шкале аффективных характеристик не использовал только крайние значения или значения вне шкалы. После отбора в контрольную группу («энкоды») вошли: 23 человека 8 – мужчин. 15 – женщин. Средний возраст: 37,2. Всего оценивался сдвиг по 69 историям. В экспериментальную («ванталы»): 26 человек 10 – мужчин. 16 – женщин. Средний возраст: 31, 5. Всего 78 историй.

Результаты экспериментального исследования

Средние оценки несправедливости в контрольной и экспериментальной группах до и после воздействия (см. Табл. 3) показали значимые различия в обеих группах. Оценка степени несправедливости ситуации до и после контекстуализации достоверно уменьшилась (см. рис.1).

Таблица 3 - Средние оценки несправедливости ситуации в контрольной («энкоды») и экспериментальной («ванталы») группе до и после контекстуализации, 11-балльная шкала Лайкерта (от 0 до 10)

	Оценка несправедливости истории до контекстуализации (средняя, сигма)	Оценка несправедливости истории до контекстуализации (средняя, сигма)	Z-Критерий Вилкоксона
Контрольная группа («энкоды»)	7,86 2,16	7,28 2,76	Z=-2,134 p=0,033
Экспериментальная группа («вантала»)	8,44 1,69	7,90 1,98	Z=-3,034 p=0,002

При сравнении оценок ситуаций, которые испытуемый изначально выбрали как несправедливые мы получили значимые различия внутри контрольной и экспериментальной групп (рис. 1). Испытуемые в обеих группах в конце исследования оценивали ситуации, как менее несправедливые, чем вначале.

Средние оценки негативных аффективных характеристик валуаций в контрольной и экспериментальной группе до и после контекстуализации также значимо отличались в обеих группах (см. Табл. 3). Негативные аффективные характеристики валуаций до и после контекстуализации достоверно уменьшилась (см. рис.2).

Хотелось бы обратить внимание на значимость различий в контрольной и экспериментальной группе, а также на однонаправленность изменений (снижение среднего при сохранении разброса) в экспериментальной группе.

Кроме того, в контрольной группе («энкоды») были обнаружены различия по аффективным характеристикам валуации близости (см. Табл 4 и Рис.3). Ситуации начали прочитываться как еще меньше отражающие положительные переживания, связанные с общностью. В экспериментальной группе («ванталы») таких различий не обнаружено.

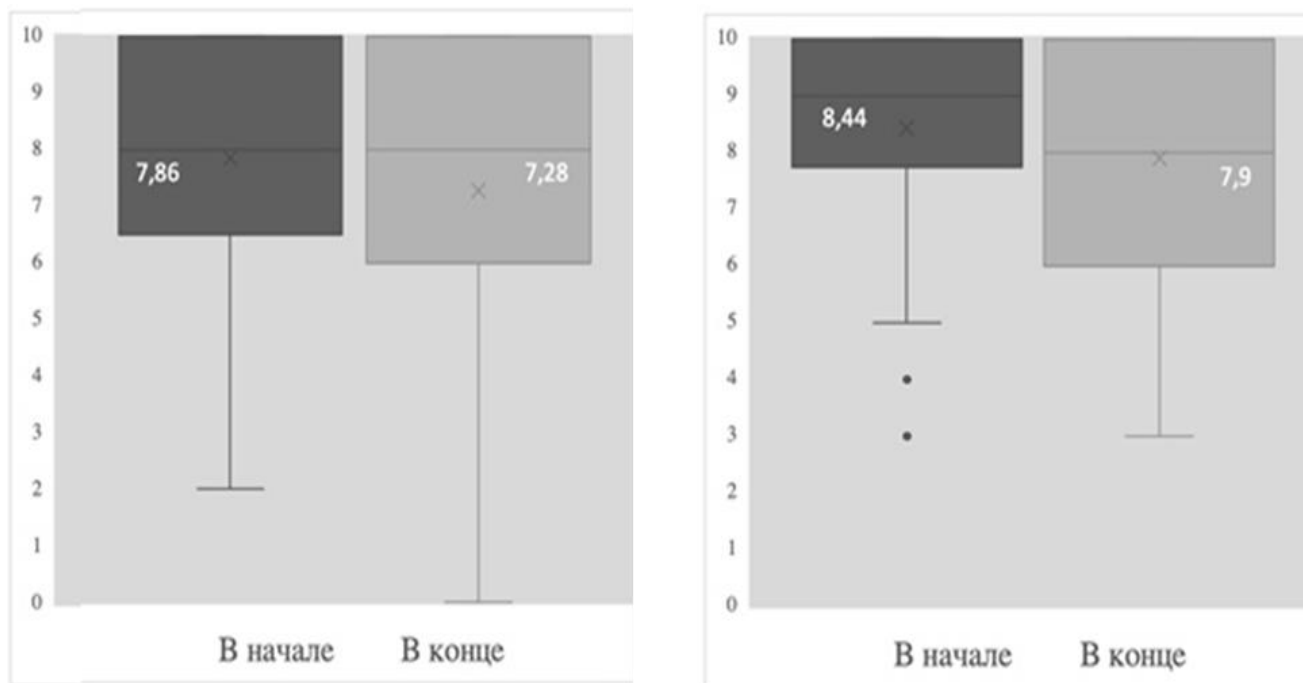

Рисунок 1 - Динамика оценки несправедливости ситуации до («в начале») и после («в конце») контекстуализации в контрольной («энкоды») слева и экспериментальной («ванталы») справа группе

Таблица 4 - Средняя выраженность негативных аффективных характеристик валюаций в начале и в конце исследования (до и после контекстуализации) в контрольной («энкоды») и экспериментальной («ванталы») группе, 5-бальная шкала Лайкерта (от 1 до 5), суммы по шкалам от 10 до 50.

	Группа эмоций	Оценка суммарных негативных аффективных характеристик валюаций, в начале, средняя, сигма	Оценка суммарных негативных аффективных характеристик валюаций, в конце, средняя, сигма	Критерий Вилкоксона, Значение критерия и р-уровень
Контрольная («энкоды») группа	N (негативные)	31,4 8,54	28,5 11,56	Z = - 2,791 p=0,005
Экспериментальная («ванталы») группа	N (негативные)	31,5 10,13	28,2 10,86	Z = - 4,811 p=0,000

Обсуждение

Нами получены три основных изменения зависимых переменных: (i) снижение негативных аффективных характеристик валюаций прочтения историй несправедливости после контекстуализации энкодами и ванталами (ii) снижение оценки историй как описывающих ситуации несправедливости после контекстуализации энкодами и ванталами (iii) еще более выраженное снижение позитивных аффективных характеристик валюации близости после контекстуализации энкодами. В двух первых случаях достоверность различий была значимо выше при контекстуализации ванталами.

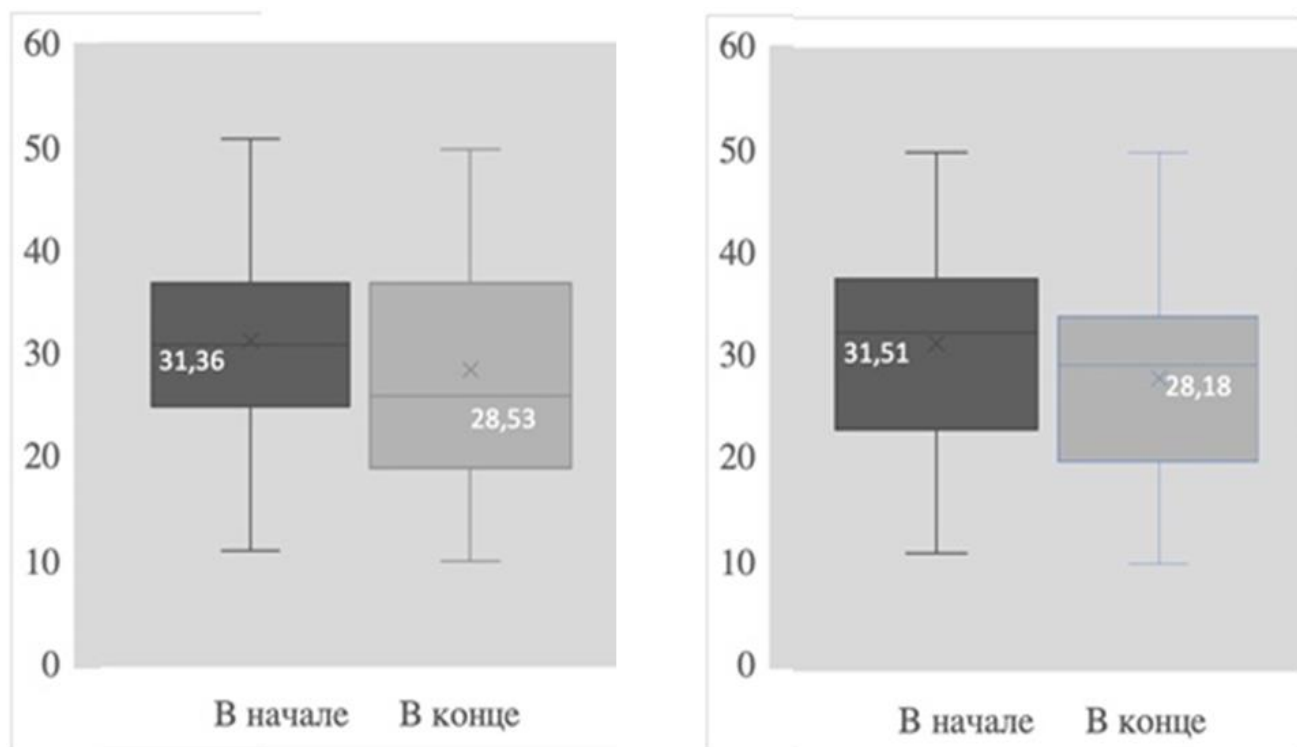

Рисунок 2 - Динамика негативных аффективных характеристик валюаций историй несправедливости до и после контекстуализации в контрольной («энкоды») слева и экспериментальной («ванталы») справа группе.

Таким образом, наше предположение, что «вантала», позиционирующая рассказчика и слушателя в дискурс, отличный от дискурса «несправедливости», в большей степени «снимет» необходимость прочтения историй в этом дискурсе и уменьшит вероятность согласования через негативные аффекты валюаций, частично подтвердилось. «Энкоды» также показали снижение выраженности негативных переживаний после прочтения истории несправедливости. Однако здесь стоит отметить различия в вероятности ошибки (достоверности различий): ванталы действовали практически на всех, энкоды - только на часть выборки. Последний результат, о еще большем снижении позитивных валюаций близости при работе с историей несправедливости, контекстуализированной энкодом, интерпретировался нами с точки зрения актуализации психологических защит, вызванных «атакой» на дискурсивную позицию и угрозой деконструкции предпочитаемой я-позиции. Таким образом, усиливается дискурс «конкуренции», «соперничества» и оценка ситуации с точки зрения общности еще больше снижается. С другой стороны, возможно именно такая угроза фальсификации инструмента согласования может вызвать «отложенную реакцию», когда в текущем контексте человек молчит или соглашается, а в следующем коммуникативном пространстве предпринимает более агрессивную попытку верифицировать первоначальное видение истории. Тогда оценка еще меньшей близости (между героями истории) на эмоциональном уровне является косвенным указанием на процессы «верификации» изначального прочтения валюации. Последнее требует дополнительной проверки.

Таблица 5 - Средняя выраженность положительных аффективных характеристик валюации близости в начале и в конце исследования (до и после контекстуализации) в контрольной группе («энкоды»), 5-балльная шкала Лайкерта (от 1 до 5), сумма по шкале от 4 до 20

	Группа эмоций	Оценка суммарных положительных аффективных характеристик валюации близости, в начале, средняя, сигма	Оценка суммарных положительных аффективных характеристик валюации близости, в конце, Средняя, сигма	Критерий Вилкоксона, Значение критерия и р-уровень
Контрольная («энкоды») группа	О (близости)	6,85 4,35	6,29 4,55	Z= - 2,25 p=0,025

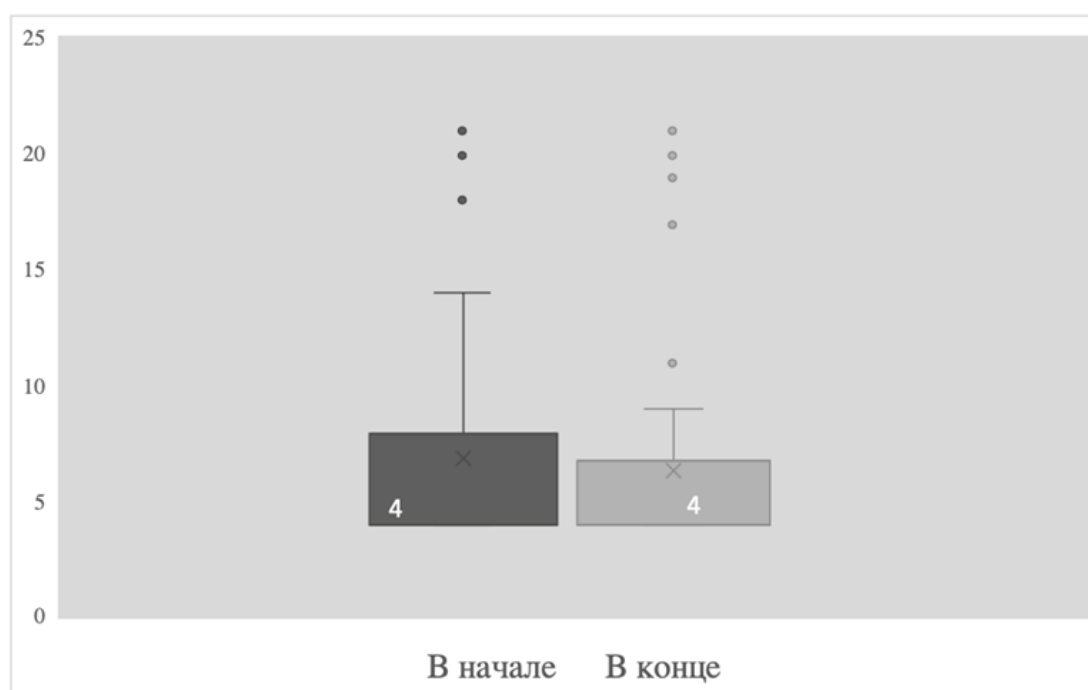

Рисунок 3 - Динамика позитивных аффективных характеристик валюации близости в историях несправедливости до и после контекстуализации в контрольной группе («энкоды»)

К дополнительным угрозам валидности можно отнести: а) работу с чужими, а не со своими личными историями. Восприятие чужих и рассказ собственных историй в дискурсе несправедливости могут актуализировать разные механизмы совладания. б) требует проверки и эффект «ожидаемых изменений». Поскольку испытуемого просят еще раз оценить историю, может возникнуть эффект ожидания «переоценки». Испытуемые не знали повышения или понижения оценок ожидается при повторном замере, тогда однонаправленность изменений

зависимой переменной может косвенно свидетельствовать о сохранении валидности. В любом случае в дальнейших исследованиях необходима дополнительная проверка данного эффекта группой «плацебо», которая также нужна, чтобы проконтролировать фактор «привыкания» к истории по мере работы с ней и снижения ее аффективного воздействия в целом. в) артефактом выборки может быть и сам подбор ситуаций (разный для всех участников исследования) и диапазоны рефлексивных перспектив участников исследования («актеры», «агенты», «авторы»). Нами планируется продолжение серии экспериментов с энкодами и ванталами как инструментами контекстуализации историй несправедливости для учета данных факторов.

Заключение

Основная идея нашего эмпирического исследования была связана с проверкой эффективности для нарративного совладания с историей несправедливости двух типов диалогических инструментов: (i) выводящего нарратора из дискурса «несправедливости» и (ii) позволяющего пересмотреть/фальсифицировать нарративный инструмент согласования я-позиции, социального предписания и жизненного контекста в рамках дискурса несправедливости. Мы сравнивали действия "энкодов" Вадима Петровского и "вантал" Александра Лебедева и как инструментов пересогласования человеком истории несправедливости. Результаты подтвердили снижение негативных аффективных характеристик валюаций и меры несправедливости историй в обоих случаях, в случае «вантал» - с большей достоверностью. Нам представляется, что основной механикой действия последних является диалогическое конструирование внутренней я-позиции человека, имеющего дискурсивное право на свободное построение принципиально несовершенной картины этого мира и признающего это право за каждым другим, как перспективы нарратора, несовместимой с дискурсом «несправедливости». Такая я-позиция не обязательно становится частью нарративной идентичности человека, но позволяет в текущей коммуникативной ситуации снять дистресс, вызванный длительным воздействием негативной аффективной характеристики валюаций историй о засвидетельствованной или пережитой ситуации, наррируемой в дискурсе несправедливости.

Истории, прочитываемыми с точки зрения того, какие социальные предписания были нарушены и насколько несправедливо были распределены вознаграждения и наказания, связаны с яркими негативными аффектами: гнев, бессилие, страдание, обида, стыд. Наиболее яркие и длительные негативные переживания актуализируют защитные механизмы, вынуждают замалчивать и избегать включения таких историй в коммуникативные практики, включая и широкое общественное обсуждение. Ощущение себя жертвой несправедливости или агрессором, причинившим ее, или свидетелем, не помешавшим несправедливости, может субъективно лишить человека дискурсивной позиции, имеющего право говорить об этом. Еще одним искажающим вариантом может быть включение истории в коммуникацию, но в искаженной форме, например, как нарратива, трансформированного механизмом отчуждения моральной ответственности. А таким образом теряется основная функция дискурса несправедливости, призванного уточнять и модифицировать формы социальных договоров в новых реалиях, с учетом новых общественных практик и их контекстов. Временное исключение истории из дискурса несправедливости позволяет нарратору объективировать я-позиции, дискурсивные предписания и жизненный контекст ситуации, и дает возможность транслировать историю в общественное пространство социального конструирования будущего общественного

уклада из я-позиции, имеющего право голоса. В равной мере это же даст ему свободу и возможность этого не делать.

В текущей культурно-исторической ситуации глобальных социо-экономических сдвигов длительное внутреннее переживание человеком истории несправедливости может стать дезадаптивным фактором, как на уровне отдельного индивида, так и социальных систем в целом. Эффективный коммуникативный инструмент, позволяющий свободно «пережить» несправедливость и транслировать я-историю в общий коммуникативный контекст, – является важным преадаптивным элементом выживания и гибкого изменения социальной системы в условиях тектонических перемен. Авторство новых социальных укладов невозможно без сохранения дискурсивной позиции свободного высказывания, а его невозможно реализовать, будучи аффективно привязанным к прошлому личной историей несправедливости. В противном случае накопленное умолчание выливается на улицы, превращая города в Готэмы, ожидающие своих Джокеров.

Библиография

1. Гроздилов С. В. Понятие справедливости в общественной психологии русского народа как отражение его бытия // Науч. вестн. Омской академии МВД России. 2018. № 3. С. 88-92.
2. Гулевич О. А. Структурно-функциональная модель регуляции обыденных представлений о справедливости : дис. – Институт психологии РАН, 2012.
3. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – №. 1.
4. Зайцева Ю. Е. " Это не Адам становится меньше, просто дерево растет": методологические заметки об изменчивом человеке в изменчивом мире (по мотивам одной рецензии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2019. – Т. 9. – №. 4.
5. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.
6. Козлов Н. История одной мистификации, или Рассказы Саши Лебедева / Истинная правда, или, Учебник психолога по жизни. – АСТ, 2008.
7. Новоселова О. В. Дискурс справедливости и дискурс о справедливости в медийном пространстве. – 2016.
8. О чём мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир. 2013. 55 с.
9. Петровский В., Ходорыч А. Идеальный аргумент. 1500 способов победить в споре с помощью универсальных фраз-энкодов. Бомбора, М., 2018 г. 400 с.
10. Слюян Г. Г. Коммуникативный дискурс справедливости : дис. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2009.
11. Уайт М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию // М.: Генезис. – 2010. – Т. 326.
12. Углов Д. В. Роль дискурса социальной справедливости в формировании общества делиберативной демократии : дис. – М, 2010.
13. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод // Харьков: Гуманитарный центр. – 2004.
14. Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология.–2006-2007. – 2006. – №. 1. – С. 7-53.
15. Чукин С. Г. Проблема справедливости в философском дискурсе постмодерна // дисс. степ. докт. фил. наук. Санкт-Петербург. – 2000.
16. Carriere J. S. et al. A systematic review of the association between perceived injustice and pain-related outcomes in individuals with musculoskeletal pain // Pain Medicine. – 2020.
17. Dalbert C. Coping with an unjust fate: The case of structural unemployment // Social Justice Research. – 1997. – Т. 10. – №. 2. – С. 175-189.
18. Dalbert, C. & Donat, M. (Belief in a just world. In J. D. Wright (Ed.), International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2015. 2nd ed., Vol. 2, pp. 487-492.
19. Davey Alba, Livia Albeck-Ripka, Emily Badger et al. Protests Swell in U.S. and Beyond as George Floyd Is Mourned Near His Birthplace // The New York (электронный ресурс) URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/06/us/protests-today-police-george-floyd.html> (дата обращения: 07.06.2020)
20. Donat M. et al. Belief in a just world, teacher justice, and bullying behavior // Aggressive Behavior. – 2012. – Т. 38. – №. 3. – С. 185-193.
21. Furnham A., Procter E. Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature // British journal

- of social psychology. – 1989. – Т. 28. – №. 4. – С. 365-384.
22. Habermas T., Bluck S. Getting a life: the emergence of the life story in adolescence //Psychological bulletin. – 2000. – Т. 126. – №. 5. – С. 748.
23. Hermans H. J. M. Self-narrative as meaning construction: The dynamics of self-investigation //Journal of clinical psychology. – 1999. – Т. 55. – №. 10. – С. 1193-1211.
24. Hermans H. J. M. The construction and reconstruction of a dialogical self //Journal of constructivist psychology. – 2003. – Т. 16. – №. 2. – С. 89-130.
25. Hermans H. J. M. Moving through three paradigms, yet remaining the same thinker //Counselling Psychology Quarterly. – 2006. – Т. 19. – №. 01. – С. 5-25.
26. Hermans, H. J. M., & Dimaggio, G. (2007). Self, Identity, and Globalization in Times of Uncertainty: A Dialogical Analysis. *Review of General Psychology*, 11(1), 31-61.
27. Hermans H. J. M. *Society in the self: a theory of identity in democracy*. – Oxford University Press, 2018.
28. Lerner M. J., Miller D. T. Just world research and the attribution process: Looking back and ahead //Psychological bulletin. – 1978. – Т. 85. – №. 5. – С. 1030-1051.
29. McAdams D. P. Self and Identity URL: <https://nobaproject.com/modules/self-and-identity> (дата обращения: 12.04.2020)
30. McAdams D. P. *The art and science of personality development*. – Guilford Publications, 2015.
31. McAdams D. P., Zapata-Gietl C. Three strands of identity development across the human life course: Reading Erik Erikson in full //The Oxford handbook of identity development. – 2015. – С. 81-94.
32. Sarbin T. The narrative as root metaphor for psychology // *Narrative psychology: The storied nature of human conduct* N. Y., 1986. P. 3–21. (На русском языке: Сарбин Т.П. Нарратив как базовая метафора для психологии // *Постнеклассическая психология*. 2004. № 1. С. 6–28.)
33. Singer J. A., Blagov P., Berry M., & Oost K. M. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy //Journal of personality. – 2013. – Т. 81. – №. 6. – С. 569-582.

Tools and strategies for narrative reconciliation of stories of injustice: how to cope with the “unbearable”

Dmitrii I. Shiryaev

PhD student, Department of General psychology,
Saint Petersburg State University,
1199034, 7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dmitry_shiryaev@yahoo.com;

Yuliya E. Zaitseva

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of General psychology,
Saint Petersburg State University,
1199034, 7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: J.E.Zaitseva@spbu.ru;

Abstract

The article attempts to consider the experience of injustice by a person through the prism of a poly-narrative approach. Poly-narrative practice is the Dialogic practice of re-constructing a narrative identity. The approach is based on narrative and discursive psychology, the approaches of H. Hermans and D. McAdams. The basic idea of our empirical research was associated with the verification of the effectiveness of two types of Dialogic tools: (i) deducing narrator from the discourse of "injustice" and (ii) revise/to falsify the narrative tool of negotiation, I-positions, social provisions and life context within the discourse of injustice. We compared the actions of Vadim

Petrovsky's "encodes" and Alexander Lebedev's "vants" as tools for reconciling a person's story of injustice. The results confirmed the reduction of negative affective characteristics of valuations and measures of unfairness of stories in both cases, in the case of "vants" - with greater confidence due to the exit from the discourse of "injustice".

For citation

Shiryaev D.I., Zaitseva Yu.E. (2020) Instrumenty i strategii narrativnogo soglasovaniya istorii nespravedlivosti: kak sovladat' s «nesterpimym» [Tools and strategies for narrative reconciliation of stories of injustice: how to cope with the “unbearable”]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (2A), pp. 198-211. DOI: 10.34670/AR.2020.52.41.023

Keywords

Injustice, narrative, multi-narrative approach, context, discourse, communication, story of injustice, contextualization, I-position, psychological self (social actor, motivated agent, autobiographical author), encodes, vants.

References

- Grozdilov S. V. The concept of justice in the social psychology of the Russian people as a reflection of their being // Scientific. Vestn. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3. P. 88-92.
- Gulevich O. A. Structural-functional model of regulation of ordinary ideas of justice: dis. - Institute of Psychology RAS, 2012.
- Zaitseva Yu. E. I am a narrative as a tool for constructing identity: an existential-narrative approach // Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy. - 2016. - No. 1.
- Zaitseva Yu. E. "This is not Adam getting smaller, just a tree growing": methodological notes about a changeable person in a changeable world (based on one review) // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. - 2019. - T. 9. - No. 4.
- Kasavin I.T. Text. Discourse. Context. Introduction to the social epistemology of language. M., 2008.
- Kozlov N. The story of a hoax, or Stories by Sasha Lebedev / True Truth, or, A textbook of a psychologist on life. - AST, 2008.
- Novoselova O. V. Discourse of justice and discourse on justice in the media space. - 2016.
- What the Russians dream of: ideal and reality / Ed. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonova. - M.: The whole world. 2013. 55 p.
- Petrovsky V., Khodorych A. Ideal argument. 1,500 ways to win a dispute using universal phrase encoders. Bombora, M., 2018 400 p.
- Sloyan G. G. Communicative discourse of justice: dis. - St. Petersburg State University, 2009.
- White M. Maps of narrative practice: Introduction to narrative therapy // M.: Genesis. - 2010. -- T. 326.
- Uglov D. V. The role of the discourse of social justice in the formation of a society of deliberative democracy: dis. - M, 2010.
- Phillips L., Jorgensen M. V. Discourse analysis. Theory and Method // Kharkov: Humanitarian Center. - 2004.
- Hermans G. Personality as a motivated narrator: the theory of value and the method of self-confrontation // Post-non-classical psychology. - 2006-2007. - 2006. - No. 1. - S. 7-53.
- Chukin S. G. The problem of justice in the philosophical discourse of postmodernism // Diss. step. Doct. Phil. sciences. St. Petersburg. - 2000.
- Carriere J. S. et al. A systematic review of the association between perceived injustice and pain-related outcomes in individuals with musculoskeletal pain // Pain Medicine. - 2020.
- Dalbert C. Coping with an unjust fate: The case of structural unemployment // Social Justice Research. - 1997. - T. 10. - No. 2. - S. 175-189.
- Dalbert, C. & Donat, M. (Belief in a just world. In JD Wright (Ed.), International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2015. 2nd ed., Vol. 2, pp. 487-492 .
- Davey Alba, Livia Albeck-Ripka, Emily Badger et al. Protests Swell in U.S. and Beyond as George Floyd Is Mourned Near His Birthplace // The New York (electronic resource) URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/06/us/protests-today-police-george-floyd.html> (Date of treatment: 07.06.2020)

20. Donat M. et al. Belief in a just world, teacher justice, and bullying behavior // *Aggressive Behavior*. - 2012. - T. 38. - No. 3. - S. 185-193.
21. Furnham A., Procter E. Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature // *British journal of social psychology*. - 1989. - T. 28. - No. 4. - S. 365-384.
22. Habermas T., Bluck S. Getting a life: the emergence of the life story in adolescence // *Psychological bulletin*. - 2000. - T. 126. - No. 5. -- S. 748.
23. Hermans H. J. M. Self-narrative as meaning construction: The dynamics of self-investigation // *Journal of clinical psychology*. - 1999. - T. 55. - No. 10. - S. 1193-1211.
24. Hermans H. J. M. The construction and reconstruction of a dialogical self // *Journal of constructivist psychology*. - 2003. - T. 16. - No. 2. - S. 89-130.
25. Hermans H. J. M. Moving through three paradigms, yet remaining the same thinker // *Counselling Psychology Quarterly*. - 2006. - T. 19. - No. 01.- S. 5-25.
26. Hermans, H. J. M., & Dimaggio, G. (2007). *Self, Identity, and Globalization in Times of Uncertainty: A Dialogical Analysis*. *Review of General Psychology*, 11 (1), 31-61.
27. Hermans H. J. M. *Society in the self: a theory of identity in democracy*. - Oxford University Press, 2018.
28. Lerner M. J., Miller D. T. Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological bulletin*. - 1978. - T. 85. - No. 5. - S. 1030-1051.
29. McAdams D. P. *Self and Identity* URL: <https://nobaproject.com/modules/self-and-identity> (accessed: 04/12/2020)
30. McAdams D. P. *The art and science of personality development*. - Guilford Publications, 2015.
31. McAdams D. P., Zapata-Gietl C. Three strands of identity development across the human life course: Reading Erik Erikson in full // *The Oxford handbook of identity development*. - 2015. -- S. 81-94.
32. Sarbin T. The narrative as root metaphor for psychology // *Narrative psychology: The storied nature of human conduct* N. Y., 1986. P. 3–21. (In Russian: Sarbin T.R. Narrative as a basic metaphor for psychology // *Post-non-classical psycho the logic*. 2004. No. 1. P. 6–28.)
33. Singer J. A., Blagov P., Berry M., & Oost K. M. Self - defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // *Journal of personality*. - 2013. - T. 81. - No. 6. - S. 569-582.